Кольцов А.В. 10.11.92

Вильнюс

Корифеи русской культуры

ВЛАДЕТЕЛЬ ТАЙНЫ РУССКОЙ ПЕСНИ

Участь многих поэтов печально похожа – чаще к ним приходит лишь посмертная слава. Такова судьба и умершего в тридцать три года от чахотки русского поэта Алексея Васильевича Кольцова: только после его смерти стали выходить относительно полные издания его сочинений, критиками В.Н. Майковым, В.Г. Белинским, Н.А. Добролюбовым были написаны большие работы о нем, потом и в школах стали учить его стихи. А уже к концу века вслед за учащейся молодежью и студентами весь народ принял его стихи как исконно народные песни.

Путь Кольцова, выходца из мещанской среды, в литературу был исключительно сложен. Его отец, воронежский просол (торговец скотом) из второго класса уездного училища забрал сына себе в помощники – уже умеет читать и считать. И Алеша еще подростком становится главным работником в семье. Но в нем не пропала еще с детства присущая неуемная тяга к знаниям, к книгам. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, в руки попался первый поэтический сборник: он был в восторге от стихов И.И. Дмитриева, целый день в саду их распевал, полагая, что стихи не читаются. Потом увлекся Жуковским, Пушкиным, Дельвигом. Единственный в Воронеже книготорговец своему постоянному клиенту, "заболевшему" поэзией, подарил "Русскую просодию", книгу о системах русского стихосложения.

Единственное, в чем везло ему в жизни, были встречи с добрыми и умными людьми. Кольцова как поэта "открыл" прибывший на каникулы студент Н.В. Станкевич, будущий философ и поэт, в 1831 г. на свои средства издавший первый сборничек из 18 стихотворений юного воронежца. А потом последовали знакомства с Белинским, Вяземским, Пушкиным. Первый биограф Пушкина так описывает их встречу: "Поэт Кольцов, введенный в общество петербургских литераторов, был поражен дружелюбной откровенностью приема, сделанного ему Пушкиным. С робостью явился он к знаменитому поэту и не встретил ни тени величавого благоволения, ни тени покровительственного тона, которые тут еще могли бы иметь причину и достаточный повод. Пушкин крепко сжал руку Кольцова в своей и заговорил с ним, как с давним знакомым, как с равным себе" (П.В. Анненков. Материалы для биографии А.С. Пушкина).

В эволюции творчества Кольцова явно ощутимо движение к самобытности, подлинной народности, что происходит благодаря приобщению поэта к культуре, к образованию, к философии, к литературе. Его песни уже не были похожи на те многочисленные подражания и подделки под народную поэзию, которые изобиловали в то время. Кольцов не приукрашивал жизнь, не идеализировал ее, он выражал идеал народа, его мечту о воле, свободном, благотворном труде. Глеб Успенский не случайно назвал Кольцова "поэтом земледельческого труда". О пахаре, косаре в его песнях говорится былинным складом. В исполненных тоски и грусти стихах о любви можем обнаружить черты песни-драмы. Они особенно лиричны, так как самому поэту довелось испытать горькое чувство разлуки с милой: горячо любимую им крепостную девушку, которая была работницей в доме Кольцовых, во время отлучки сына отец велел тайно отвезти на далекую Кубань, где она вскоре и умерла.

Грусть и тоска в последних песнях-думах также навеяны личной драмой поэта, который никак не мог вырваться из пошлого мещанского омута на волю, к свету, в мир прекрасного. Отец не выделял денег на самостоятельную жизнь, на просьбы сына отвечал обещанием дать лишь благословение. Самовольно уйти из дому было невозможно – отец уже давно выписывал все векселя на имя сына, а не уплатив по ним, уехать из Воронежа было нельзя.

Песни Кольцова – это своеобразный "лирический эпос" народной жизни. Современный автор книги о творчестве поэта проф. Н.Н. Скатов пишет: "Его "эпический" "добрый молодец", его "эпическая" "красная девица", оставаясь эпическими, чувствуют индивидуально. Кольцов установил связь отдельных веков и отдельных состояний. И та же "Песня пахаря" не столько даже песня, сколько песнь: эпос, не потерявший эпического содержания, но ставший лирикой". В жанре поэтической песни Кольцов до сих пор никем не превзойден.

Сравнительно давно творчество Кольцова стало известно и в Литве. Его имя – среди первых русских поэтов, переведенных на литовский язык: в начале 80-х годов прошлого века С. Дагилис издал сборник своих переводов, в котором наряду со стихотворениями Лермонтова и Никитина есть и песня Кольцова. В библиографии "Мировая литература в переводах на литовский язык", охватывающей данные до 1932 г., указано 8 стихотворений Кольцова. В литовской периодике конца XIX века, адресованной главным образом хуторянину-самоучке, кольцовские произведения, воспевающие благороднейший труд землепашца, зазвучали особенно актуально. Однако не все переводы попадали в печать. Например, в рукописном наследии Б. Сруоги, хранящемся теперь в архивах Института литовской литературы, можно обнаружить переводы известных произведений Кольцова "Хуторок", "Так и рвется душа" и "Я любила его", которые знаменитый литовский писатель и ученый перевел, еще будучи учеником паневежского реального училища.

Большой интерес к творческому наследию русского поэта-песенника проявил и классик литовской литературы Майронис. Завершая свое обучение в Петербургской духовной академии, темой для диссертационной работы он выбрал поэзию Кольцова. Его выпускное сочинение профессорами академии было оценено на "отлично". Выбор Майронисом для исследования самобытнейшего представителя русской лирики говорит о многом. Здесь хочется подчеркнуть лишь одно обстоятельство: мало кто в литовской поэзии по напевности стихов может сравниться с Майронисом – сколько песен на его слова до сих пор распевается в нашем крае! К сожалению, эта работа Майрониса до сих пор не обнаружена в петербургских архивах. Но об этом русском поэте много лет спустя Майронис счел необходимым написать хотя бы несколько строчек в своей "Краткой истории всеобщей литературы", изданной в 20-х годах в Каунасе: "А. Кольцов – талантливый и чуткий поэт, но не получивший почти никакого образования, лишь самостоятельно постигший грамоту. Его лирика без притязаний близка народу и по содержанию, и по форме,даже самим языком. Содержание этой лирики чаще всего грусть и жалобы на судьбу и горести". Небольшой объем этого учебного пособия, его конспективный характер не позволили Майронису написать больше о несомненно импонировавшем ему и прекрасно изученном им поэте.

Римантас СИДЕРАВИЧЮС,
доцент кафедры русской литературы Вильнюсского университета.